

АВАНПОРНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ
ТАТЬЯНЫ ПОЛЯКОВОЙ:

Деньги для киллера
Ставка на слабость
Тонкая штучка
Я – ваши неприятности
Строптивая мишень
Как бы не так
Чего хочет женщина
Сестрички не промах
Черта с два
Невинные дамские шалости
Жестокий мир мужчин
Отпетые плутовки
Ее маленькая тайна
Мой любимый киллер
Моя любимая стерва
Последнее слово за мной
Чумовая дамочка
Интим не предлагать
Овечка в волчьей шкуре
Барышня и хулиган
У прокурора век недолог
Мой друг Тарантино
Чудо в пушистых перьях
Любовь очень зла
Час пик для новобрачных
Фитнес для Красной Шапочки
Брудершафт с терминатором
Миллионерша желает познакомиться
Фуршет для одинокой дамы
Амплуа девственницы
Список донжуанов
Ангел нового поколения
Бочка но-шпы и ложка яда
Мавр сделал свое дело
Тень стрекозы
Одна, но пагубная страсть
Закон семи
Сжигая за собой мосты
Последняя любовь Самурая
Невеста Калиостро
Испанская легенда
4 любовника и подруга
Welcome в прошлое
С чистого листа

Мое второе я
Уходи красиво
Неутолимая жажда
Огонь, мерцающий в сосуде
Она в моем сердце
Тайна, покрытая мраком
Выйти замуж любой ценой
Судьба–волшебница
Наследство бизнес–класса

Сериал «Таинственная четверка»

Миссия свыше
Коллекционер пороков и страстей
Знак предсказателя

Сериал «Я и Владан Марич»

Найти, влюбиться и отомстить
Жаркое дыхание прошлого
Не вороши осиное гнездо

Сериал «Фенька - Femme Fatale»

И буду век ему верна?
Единственная женщина на свете
Трижды до восхода солнца
Вся правда, вся ложь
Я смотрю на тебя издали
Небеса рассудили иначе

Сериал «Анфиса и Женька – сыщицы поневоле»

Капкан на спонсора
На дело со своим ментом
Охотницы за привидениями
Неопознанный ходячий объект
«Коламбия пикчерз» представляет
Предчувствия ее не обманули

Сериал «Ольга Рязанцева – дама для особых поручений»

Все в шоколаде
Вкус ледяного поцелуя
Эксклюзивный мачо
Большой секс в маленьком городе
Караоке для дамы с собачкой
Аста Ла Виста, беби!
Леди Феникс
Держи меня крепче
Новая жизнь не дается даром

Сериал «Одна против всех»

Ночь последнего дня
Та, что правит балом
Все точки над і
Один неверный шаг

ТА, ЧТО ПРАВИТ БАЛОМ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54   Та, что правит балом : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Авантюрный детектив. Романы Т. Поляковой).

ISBN 978-5-699-99338-3

Меня по-прежнему держат на крючке... Вынуждают совершать гнусные преступления, из-за меня гибнут люди. Видит бог, я не хочу этого. Ведь управлять мною легко — они забрали моего ребенка. Спрятали в психушке единственную подружку. Отняли вновь обретенную любовь всей моей жизни. Мой главный мучитель — Ник. Что ж, раз мне не позволено уйти или даже умереть, я затею свою игру, благо научилась управлять Ником — мерзавцем и убийцей, использовать его извращенный ум в своих целях. А цель у меня одна — месть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99338-3

© Полякова Т. В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Путь мести не всегда прямой,
И на нем немудрено заблудиться.

«*Kill Bill*»

— Чертова погода! — злился Ник, глядя в окно.

Дождь вторые сутки лил как из ведра, однако я подозревала, что причина скверного настроения моего дорогого друга кроется вовсе не в дрянной погоде.

По большому счету, погода ему была безразлична, как и многое другое в этой жизни. Но уже несколько дней он проявлял повышенную нервозность, огрызался, злился, изводил меня придирадками и хмуро таращился в окно, точно надеялся что-то там высмотреть. Может, Ник в душе романтик и желал увидеть луч света на горизонте, который вдруг мелькнет среди туч? Черт его знает. Почему бы и нет, в конце концов? Впрочем, я сильно сомневалась, что подобные чувства его посещают, но об истинной природе своего дурного настроения он не сообщит, следовательно, обращать внимание на его слова не стоит.

Именно этим я и занималась в тот момент: раскачивалась на стуле и пропускала его слова мимо ушей. Вряд ли ему это нравилось.

— Эй, — позвал он, хмуро понаблюдав за мной с минуту, — ты меня слышишь?

— Слышу. А также вижу, обоняю, восторгаюсь и люблю, — охотно ответила я, на некоторое время прекратив раскачиваться.

Он вроде бы собрался что-то ответить на это, но пе-

редумал. Покачал головой и, отвернувшись к окну, вновь пробормотал:

— Ненавижу дождь. Куда подевался твой Рахманов? — резко сменил он тему.

Я замерла, с удивлением глядя на Ника, потом вздохнула:

— Тебе лучше знать.

— Кажется, я не раз говорил: тебе стоит быть с ним поласковее. А ты что делаешь?

— А что я делаю? — решила я удивиться.

— Ни черта ты не делаешь. Парень должен по тебе с ума сходить, а вместо этого...

— Пошел к черту, Ники-бой, — с широкой улыбкой ответила я.

Еще полгода назад я бы вряд ли на такое рискнула. Было время, когда я до судорог боялась этого типа. И, если честно, у меня были на то основания. Но несколько месяцев назад Ник сваял дурака — открылся, как плохой боксер, пусть всего лишь на миг, но мне этого хватило. Так что теперь я знала: Никита Полозов вовсе не исчадие ада, воплощение вселенского зла, могущественное и непобедимое, он человек из плоти и крови, как все мы, грешные. Опасный, хитрый, изворотливый, подлый — список можно продолжить, — но все-таки человек. У него даже есть свои слабости. Теперь я это знала наверняка и не преминула воспользоваться. Иногда мне это сходило с рук, иногда нет. Но я неустанно экспериментировала.

Через мгновение стало ясно: назвать сейчас моего друга Ники-боем — плохая идея. Он отреагировал в своей обычной манере: сделал молниеносное движение и выбил из-под меня стул. Если быть честной, я к этому подготовилась и при желании легко бы удержалась на своих двоих, но решила, что небольшая радость скрасит Нику существование, а потому повалилась на пол. Он взирал на это настороженно, должно

быть, гадал, чему обязан данным фактом: своей ловкости или моей покладистости.

Я поднялась, поставила стул и сказала без злобы:

— Сукин сын, — после чего продолжила раскачиваться.

— Что-то происходит, — понаблюдав за мной немало, выдал он ценную мысль.

— Конечно, — кивнула я. — В мире всегда что-нибудь происходит.

— Ты меня достала, — поморщился он. — Состояние твоей шкуры напрямую зависит от того, что там замыслили хозяева.

С этим, конечно, глупо спорить, однако в тот момент меня мало волновало и даже, сказать по чести, мне было безразлично, что они там затевают и как это отразится на мне. Когда человек долгие годы живет в постоянном страхе, он привыкает к нему, как инвалид к коляске. А потом вроде бы и вовсе его не чувствует. Нечто подобное произошло со мной в тот момент, когда я поняла, что спасти Машку смогу лишь ценой предательства. То есть спасти могу, но сразу же потеряю, потому что она мне это предательство вряд ли простит. Сейчас Машка находилась в психушке, совершив якобы убийство в состоянии помутненного сознания, в котором она вроде бы до сих пор пребывает. Конечно, Машка никого не убивала, но ей пришлось согласиться с правилами игры, и мне тоже. На днях ее должны перевести в клинику, где режим помягче, а я вследствие своего незавидного выбора лишилась интереса к жизни.

Хотя страх все еще присутствовал во мне, но теперь он был иного рода. Я страшилась встретиться с Машкой. Я не знала, как смогу объяснить ей свой поступок, хотя наша затея засадить хозяев Ника в тюрьму всегда казалась мне невероятно глупой. Но Машка верила, что мы сможем, а я слишком любила ее, чтобы стоять в стороне и наблюдать, как она себя губит, по-

тому и полезла в драку, ни мгновения не веря в победу. Развязка последовала незамедлительно: Машка в психушке по обвинению в убийстве, которого не совершала, а я с удвоенным рвением танцую под дудку все тех же хозяев, чтобы ее когда-нибудь оттуда вытащить. Человека, который был единственным свидетелем давнего преступления и чье заявление при известном везении помогло бы увидеть господина Долгих за решеткой, я сдала Нику, после чего свидетель скончался, а наши тщетные усилия оставили горечь в душе и бесполезный стыд за совершенное предательство.

Рахманов, о котором говорил Ник, — адвокат и близкий друг господина Долгих, мой любовник, что позволяло надеяться на вызволение Машки из психушки, и по этой причине я выделявала перед ним разные фокусы, вроде цирковой собачки за кусочек сахара (в роли сахара была все та же Машка). Теперь Рахманов вдруг исчез, не появлялся у меня уже несколько дней. Однако сам Ник не раз утверждал, что делать ставку на подобного типа вещь зряшная, так что не ясно, чем он сейчас недоволен.

Рахманов не только не появлялся у меня четвертые сутки, но и не звонил. Я ему тоже не звонила, по опыту зная, что это бессмысленно, но даже его внезапное охлаждение ко мне не вызвало никаких эмоций.

— Он тебе ничего не говорил? — не унимался Ник.

— Рахманов? — подняла я брови. — Конечно, нет. Иначе ты бы об этом знал.

— У них какие-то заморочки с химзаводом... — Ник поскреб затылок, с неудовольствием глядя на меня. — Эти придурки все никак не успокоятся и заваливают суд своими исками.

— Надо же людям чем-то себя занять, — пожалала я плечами.

— Если бы только это... Однако нашелся полный придурок, пожелавший прищемить нашим кормиль-

цам хвост. Причем дяде это вполне по силам, по крайней мере в том, что касается конкретного дела.

— И кто у нас такой отважный? — подивилась я. Наш кормилец господин Долгих со своими дружками представлялся мне едва ли не всемогущим, и чужая глупость вызвала удивление с легким восторгом в придачу.

— Литвинов, председатель областного суда, — буркнул Ник. — Слышала о таком?

— Нет. Зачем мне?

— Если он заартачится, Долгих дело проиграет, а это колоссальные убытки.

— Сочувствую.

— Хватит кривляться, — разозлился Ник, а я вздохнула.

— Ты-то чего о чужом добре печешься? Нам что за разница, лишится он завода или нет?

— Дура, — покачал Ник головой и даже поморщился, демонстрируя печаль ввиду моей бестолковости. — Он не проиграет дело. Никогда. Он не может себе это позволить, иначе кое-кто сообразит, что время, когда он тут хозяйничал, подошло к концу.

Я перестала раскачиваться на стуле и теперь разглядывала свои ноги. Причина скверного настроения Ника стала понятна. Если все так, как он сказал, Долгих придется сломить чужое сопротивление. Надеюсь, он попытается решить проблему миром. Подкупы, взятки и прочее здесь в большом ходу, насколько я знаю. Но если дядя всерьез заартачится? Если он действительно решил, что время таких, как Долгих, прошло, тогда... тогда с ним будет кончено, подобное Долгих тоже не раз проделывал. И тут уместно вспомнить замечание Ника о нашей шкуре. Моя его вряд ли особо интересует, но своей он, безусловно, дорожит. Предполагаемая мишень — лицо в городе далеко не последнее, следовательно, оставлять исполнителей в живых довольно глупо.

— Черт... — буркнула я.

— Вот-вот, — закивал Ник радостно, что, должно быть, относилось к моей внезапной догадливости, иного повода для радости я не видела. — И окажемся мы в ненужном месте в самое неподходящее для этого время.

— Ты просто так языком болтаешь или...

— Я догадываюсь, — перебил меня Ник язвительно. — Приказы, как известно, не обсуждают, их выполняют...

— Тогда какого черта ты нервничаешь? Если они что-то решат, мы...

— Если бы ты не была круглой душой, твой Рахманов увидел бы в тебе девушку своей мечты, а не пушечное мясо. Ты вообще-то понимаешь, как тебе повезло, что он оказался в твоей постели?

— Если честно, особого счастья в этом не вижу, — ответила я.

Ник опять разозлился, но все-таки не удержался и хмыкнул:

— Сочувствую, однако, когда он устраивается у тебя между ног, кое-какие мысли ты бы могла донести до его сознания.

— Какие, к примеру? — проявила я любопытство.

— Что мир без тебя будет сер и уныл.

— Он легко найдет замену.

— А вот это плохо, очень плохо, — покачал Ник головой. — Ты ничего не хочешь сделать для нашей долгой счастливой жизни.

— Я буду стараться изо всех сил, — очень серьезно ответила я, ожидая, что он вновь выбьет из-под меня стул, но Ник лишь вздохнул:

— Боюсь, я зря трачу на тебя свое драгоценное время.

Он пошел к двери, и я отправилась следом, радуясь, что ему не пришла охота остаться на ночь. Впрочем, с

тех пор, как Рахманов стал здесь частым гостем, Ник особенно не наглед.

Закрыв за ним входную дверь, я привалилась к стене, рядом с плакатом Че Гевары. Он смотрел с улыбкой вдаль и, должно быть, видел там светлое будущее. Жаль, не мое. Я вздохнула и спросила:

— Что скажешь, команданте?

Команданте была по фигу наша крысиная возня, он не желал отвечать, я сползла по стене, подтянула колени к животу и задумалась.

В голову лезли разные мысли, и я торопилась поведать о них Че, потому что больше некому. Я то и дело обращалась к нему и перемежала свой монолог вопросом: «Что думаешь?» Это создавало иллюзию беседы и не позволяло бесповоротно решить, что я давно и окончательно спятила.

Занималась я этим до тех пор, пока в дверь не позвонили. Я поднялась с пола с большой неохотой, решив, что Ник надумал вернуться. На пороге стоял Рахманов с одинокой розой в руке. Его попытки придать нашим отношениям романтический характер неизменно меня умиляли.

Собравшись с силами, я изобразила бурный восторг и повисла у него на шее. Он вошел в квартиру, радостно смеясь, захлопнул дверь ногой и сообщил:

— Я соскучился.

Надеюсь, мое лицо сияло от счастья. Рахманов из тех людей, что твердо уверены: мир создан для того, чтобы они могли здесь гадить в свое удовольствие.

Глядя на этого красавца, я часто думала о том, что господь большой шутник, раз решил явить миру подлца в столь элегантной упаковке. От самого себя Рахманов пребывал в бесконечном восторге и часто баловал меня сентенциями, почерпнутыми у Ницше, выдавая их за свои. Подозреваю, он всерьез считал себя сверхчеловеком. Иногда я задавалась вопросом, что было бы с ним, не родился он в обеспеченной семье

партийного вождя областного разлива, который, чутко уловив тенденцию, вовремя переметнулся из коммунистов в бизнесмены, оттяпав в личную собственность изрядный кусок государственной. Это позволило единственному и любимому чаду взирать на окружающих с легким презрением и пользоваться благами в непоколебимой уверенности, что сие дано ему по праву. А если бы, к примеру, нелегкая занесла его в другую семейку — с папашей-алкашом и мамой-инвалидом, что тогда? Гадал бы, на что потратить последний червонец, штопал единственные носки и тянулся к знаниям? А по вечерам разгружал вагоны или торговал любовью по сходной цене? Интересно, мысль о сверхчеловеке и тогда бы посетила его или все, что наговорил чокнутый немец, показалось бы насмешкой? Впрочем, Рахманов устроился бы в любом случае. Обольстил бы богатую вдовушку, к примеру. Такие, как он, всегда устраиваются.

Мы переместились ближе к дивану, я успела пристроить розу в пустую бутылку, что позволило с двойным усердием изображать восторг. Расхожий кадр из фильмов о страстной любви: мы в обнимку на диване, он все еще в плаще и ботинках, и я торопливо помогаю ему избавиться от лишних вещей. Прерывистое дыхание, вздохи, легкое постанывание... Говорят: хорошо притворяться — значит почти любить. Мне это никогда не удавалось. Наверное, притворяюсь плохо. Хотя, судя по довольной физиономии Рахманова, этого не скажешь.

Мы пьем вино прямо из бутылки, передавая ее друг другу, сидя среди разбросанной одежды. Идею пить из горлышка когда-то подкинула я, и Рахманов стал проделывать это с таким бравым видом, будто воображал, что рушит все традиции и устои, эдакий революционер, плюющий на общественное мнение. Подозреваю,

он собой гордился. К моему дурному влиянию следует отнести также привычку произносить «салют» вместо «здравствуйте» и еще два десятка испанских слов, которые он употреблял зачастую не к месту, зато сразу становясь похожим на Зорро, а также восхищение Че, которое я всерьез не принимала. В Рахманове было столько же романтизма, сколько во мне иллюзий, то есть, говоря попросту, не было вовсе.

Мой любовник обладал не только потрясающей внешностью, но и безусловным шармом. И законченным придурком также не являлся, так что дамы в нем души не чаяли. Ник утверждал, что у него три или четыре любовницы, не считая меня, и девиц, что пока еще только ждали своей очереди. В общем, мне, считай, повезло, раз наш красавец обратил на меня внимание.

Рахманов сделал еще глоток, поцеловал меня и сказал с чувством:

— Обожаю тебя.

На такие заявления я никогда не реагировала. Они вроде надоевшей рекламы — ты ее слушаешь, но тебе наплевать. Уверена, он произносит свои слова не задумываясь, как я не задумываюсь, пропуская их мимо ушей.

В общем, мы идеальная пара. Рахманов иногда любит порассуждать на эту тему, хотя и мне, и ему известно доподлинно: он с легкостью избавится от меня в самом что ни на есть конкретном физическом смысле, если усмотрит в том выгоду. Хотя я не исключаю возможности, что немного повздыхает, произнесет что-то сентиментальное и не лишённое мудрости. И даже, может быть, начнет посещать мою могилу с красной розой в руке, сделав также визит чем-то вроде ритуала, как игра в карты по пятницам в клубе или утренняя пробежка по субботам. Дамам сей ритуал наверняка придется по душе: «Ах, он все еще оплакивает былую любовь...» Черт, куда это меня занесло с моими мыс-

лями? Мне сейчас надлежит быть счастливой, скакать рядом резвой козочкой, заглядывая Рахманову в глаза, и таять под его нежным взором.

— Ты хмуришь лоб, — вдруг сказал он. — Неприятности?

Я торопливо растянула рот до ушей. «Неприятности бывают у людей, живущих нормальной жизнью, — хотелось ответить мне. — Вчера все было хорошо, а сегодня сломала каблук или кошелек свистнули — вот она, неприятность. Одно состояние посредством сравнения отличается от другого. Приятностей в моей жизни не было давным-давно, так что смело можно сказать, что неприятности начисто отсутствуют».

— Скучала без меня? — прошептал он мне на ухо, привлекая меня к себе.

— Конечно, — вздохнула я.

— Почему не позвонила?

— Мы это уже обсуждали.

— По-моему, твоя пресловутая скромность граничит с гордыней, — усмехнулся он.

— Помнится, ты хвалил меня за отсутствие назойливости и даже называл редкой девушкой. Надо полагать, все прочие замучили тебя звонками, так какого хрена уподобляться?

— Я улетаю на несколько дней, — серьезно заявил он.

— Далеко?

— Как сказать...

— Ясно. — Я помедлила и все-таки спросила: — Что с Машкой?

Разумеется, мне следовало печалиться, что любимый отбывает в неизвестном направлении, а не лезть с вопросами такого сорта. Но сдержаться я не могла. Против обыкновения, он не нахмурился, тем самым намекая на мою невыносимую бестактность, напротив, на его физиономии расцвела лучшая в мире улыбка.

— У меня хорошая новость, и я подумал, что ты

должна услышать ее от меня. Ты знаешь, твою подругу завтра переводят в санаторий... то есть это, разумеется, не совсем санаторий... в общем, ты поняла.

— Я смогу ее увидеть? — спросила я, сглотнув подкативший к горлу ком.

— Сможешь, — вновь улыбнулся он. — Я договорился. Они останутся в кафе на выезде из города, юго-западное направление. Кафе называется «Терек», у тебя будет минут пятнадцать, парни не станут мешать. Примерно в 12.30 они подъедут...

— Спасибо, — пробормотала я, обнимая его, и едва не разревелась, хотя слезливости в себе ранее не замечала.

— Перестань, ты же знаешь, как много я готов для тебя сделать.

Реветь сразу расхотелось, и благодарность куда-то испарилась, потому что Машка оказалась в психушке не без его участия.

— Спасибо, — еще раз сказала я, а он посмотрел как-то странно, отвел глаза.

— Тони хотел ее видеть.

— С какой стати? — нахмурилась я. — Он ее бросил.

— Ты слишком строга к парню, — перебил Рахманов. — Он переживает. Не знаю, почему они расстались, но уверен, его вины в том нет.

На самом деле Тони бросил Машку, когда узнал, что она наркоманка. Рахманову об этом, скорее всего, известно, но если есть желание повалить дурака...

— Значит, он тоже там будет?

— Наверное. В санатории ее можно будет навещать, кажется, раз в месяц, я уточню позднее...

— Как долго она там пробудет? — спросила я, хотя знала, что вопрос этот задавать не стоило.

— Ты же понимаешь, и такое решение вопроса стоило мне немалых сил...

Разумеется, я знала. Только неизвестно, намного ли